

~Глава 191~

Во времена мира и возрождения...

...126 лет назад...

Стена Монтеро была изумительным зрелищем. Выше любого здания в самом городе, нежно блестящая под поднимающимся солнцем – искрящаяся, даже. Таким был эффект миллионов крошенных кристаллов в жёлтом песчанике.

Парсон Майлс сидел на её вершине, в одной из башен.

Впрочем, он был не один. Полная женщина с волосами чёрными как перья ворона, сидела с ним, наслаждалась почти растаявшей смесью шоколада и ванильного мороженого в большой деревянной чашке.

И наслаждалась громко. Как и обычно.

- ...Ммм!

- ...Дорогая- - попытался Парсон.

- Мм-ммм-ммм!

Он просто покачал головой, хотя не сводил глаз со своей работы. Работа сторожа обычно была достаточно уединённой, но эта женщина подняла такой шум насчёт того что он оставляет её дома совсем одну, что в итоге Парсон был убеждён в том что должен взять её с собой. Она как-то умудрялась убеждать его милотой. И ещё иногда невинностью, но больше милотой.

- Уверен, что не хочешь? – спросила она.

- Абсолютно, – ответил он, всё ещё не сводя взгляда.

- Увееерен?

Боковым зрением он заметил, как она тянет к нему ложку. Потом он почувствовал, как ложка коснулась его щеки. – Эриза.

Она убрала ложку. – Лаадно. Как хочешь. Но я искренне не понимаю, как кому-то могут не нравиться сладости.

- Я не говорил, что они мне не нравятся. Просто сейчас я на работе.

- Ты можешь есть и наблюдать за горизонтом одновременно. Никуда он не уйдёт.

- Дорогая, ты говорила, что не будешь отвлекать.

Она вздохнула. – Ладно...

И продержалась примерно десять минут.

- Просто ты никогда не ешь сладости. И поэтому я чувствую вину, потому что в итоге всё съедаю я и чувствую себя толстой коровой.

- Я ем иногда.

- Слишком иногда!

- Может я просто хочу, чтобы их всегда хватало моей любимой жене.

- О, это мило. Чушь собачья, но мило. Тебе даже наш свадебный торт не понравился.

- Он был с кокосом.

- Да он там даже не чувствовался!

- Я почувствовал.

- Гах, ну можешь ты хотя бы смотреть на меня, когда говоришь со мной? – спросила Эриза.

- Знаешь же, что не могу, – сказал Парсон. – Моя работа в том, чтобы не сводить глаз с поля передо мной.

- Хмф. Вот честно, что вообще может случиться, если ты отвернёшься на пару секунд?

Ох, ну до чего же она невинное существо. Впрочем, это он в ней и любил. Ни единой циничной косточки в её теле, ни одной изнурённой мысли в голове. Он просто улыбнулся сам

себе и продолжил наблюдать.

Но в своём раздражении она не была совсем необоснованна. Она знала, насколько он стар, как бы ни выглядел внешне. Знала, насколько могущественен. Несомненно, она думала, что такая работа должна выполняться кем-то рангом ниже регионального капитана Авангарда.

Так и было. Но у них не хватало рук. Избавление нанесло большой удар по Каргаму два года назад, Парсон был вынужден отправить туда большинство своих людей в качестве поддержки. Теперь, либо он сам будет выполнять часть работы здесь, либо уязвимостей в городе прибавится.

И не помогало то, что весь Кэлтос сейчас в состоянии беспорядков. Монтеро, столица, была безопаснейшим местом в стране, но только благодаря Стене.

Парсон прекрасно понимал, что если что-то произойдёт – нечто большее, чем простое беспокойство гражданских и политическое смятение – то вопрос защиты города в основном упадёт на его плечи.

Его и Оверы.

Всего четыре года назад им наконец-то удалось использовать Пан-Розум. С этим пришло его повышение до регионального капитана с позиции просто капитана, но даже сейчас он не был полностью уверен в своей способности контролировать эту силу. Пан-форма, куда менее могущественная, всё ещё была гораздо приятнее и полезнее, чувствовал он. И они с Оверой могли поддерживать её гораздо дольше.

Но над этим нужно работать, он знал. Пан-Розум, как и можно ожидать от самого сложного и продвинутого из гиперсостояний, удивительно гибкое и несёт такой потенциал, что даже некоторые из сильнейших людей мира считали, будто лишь едва коснулись теоретических возможностей Пан-Розум.

Проблемой, как это обычно бывает, была практика. Пан-Розум настолько сильнее влиял на тело и душу, что даже просто поддержав его достаточно долго для каких-либо испытаний, слуга и жнец оставались без сознания на дни.

Пока они не приблизятся к этой ключевой отметке в сотню лет.

Из того, что ему говорила Овера, век считался «точкой превращения» для любого слуги и жнеца. Уровень синхронизация душ между ними начинал открывать многие двери.

И поэтому, в этом заключалась их цель.

Оверы, Неровой, и Феромаса.

За эти пятьдесят лет Овера оставалась уклончивой, когда разговор заходил к тому, что она имела в виду в ту судьбоносную ночь, когда воскресила его – что Парсон, Дамиан, и Гермал «изменяют мир».

Она давала ему капельки и крошки плана, обычно ровно столько, чтобы успокоить его, когда он становился достаточно смелым, чтобы поднять эту тему, но лишь недавно она поделилась с ним деталями.

Проникновение в Авангард и Избавление были лишь первым шагом. И длиннейшим из них, конечно. Они играли в медленную игру, но она заключалась не только в достижении силы и влияния. Ещё она заключалась в обучении и развитии как слуги. Даже как человека.

- 'Это важнейший аспект во всём плане,' – сказала ему Овера. - 'Поэтому я до сих пор не хотела вдаваться в детали; я хотела, чтобы ты сосредоточился на себе, отточил свои способности и свой интеллект. Ты ещё не достиг желаемого уровня, но я искренне верю в твой потенциал великого лидера, Парсон.'

- 'Лидера?'

- 'Да. Лидера, в котором этот мир крайне нуждается.'

- 'И в каком же лидере он нуждается?'

- 'В таком, что не отвернётся от ужасов и вместо этого поймёт как их использовать в погоне за великой целью.'

Ему не требовалось спрашивать, что означает «великая цель» в её понимании. Это она ещё давно сказала.

Истинный мир. Этого она добивалась. Конец вечной войны между Авангардом и Избавлением.

- 'Авангард чудесен и необходим,' – сказала Овера, - 'но ещё, временами, он слеп. Серман, насколько бы я ни любила его и Тенебрача, они просто не подходят для этой роли. И я их не виню за это, потому что почти никто не подходит. Серман пришёл к власти, можно сказать, случайно. Он не побеждал разумом, не добивался этой роли. Он просто пережил конкурентов. Которые, в основном, убили друг друга или сдались.'

- 'Ты правда думаешь, что я справлюсь лучше Сермана?'

- 'Не в нынешнем состоянии, нет. Но со временем? Абсолютно.'

- 'Как ты можешь быть уверена в этом?'

- 'Потому что. Есть кое-что, о чём я тебе никогда не рассказывала, Парсон. Темнейший секрет Авангарда.'

Парсон надеялся, что она просто шутит, но её тон к этому не располагал.

- 'Но теперь, думаю, я могу тебе рассказать.'

- 'Хмм. Не могу сказать, что я не рад, но почему сейчас? Зачем было ждать так долго?'

- 'Мне нужно было время, чтобы изучить твои мысли. Лучше понять твоё сердце. И теперь я чувствую, что знаю тебя. Наверно даже лучше, чем ты сам.'

Парсон тогда вспомнил, что каждый раз как они с Оверой входили в гиперсостояние Пан-Формы - или, последнее время, Пан-Розума - было странное чувство. Словно где-то в его подсознании кто-то есть, и этот кто-то рыщет, роется в нём. Этим кем-то была Овера, конечно. Это он довольно быстро понял, но теперь снова задумался об этом чувстве. Оно не было постоянным. По факту, оно редко появлялось. Но он помнил, что оно вызывало у него странное чувство, будто он вошёл в дом и встретил там незнакомца.

Овера, конечно, не была незнакомцем, но чувство никуда не делось.

И это воспоминание вызвало у него понимание. Она, все эти годы, использовала это их время, проводимое вместе, именно для этой цели. Чтобы изучить самые тёмные углубления его разума и обнаружить, кто он на самом деле, под всей этой оболочкой.

Сказать, что это было неприятной мыслью, было бы преуменьшением, но он полагал, что с этим всё равно ничего не поделать. И ещё он знал, что таким же образом сам узнаёт Оверу. Не полностью, может быть, но у него была не одна возможность увидеть тьму в ней. И не только из-за смешивания разумов. Он видел это в её поведении, и особенно в её решениях.

Она бывала практически нечеловечно жестокой и непреклонной, это Парсон знал.

Но ещё глубже, под всей этой тьмой, сиял чудесный свет.

Он не знал как ещё это визуализировать. Наверно это было чудовищным упрощением. На самом деле, он был почти уверен, что это упрощение. Но именно поэтому он верил ей больше, чем кому-либо ещё.

И не знал, в синхронизации душ дело или просто в том, что он знает её уже почти пятьдесят лет.

- 'Этот секрет,' - продолжила она, - 'ты не должен рассказывать никому. Понимаешь? Даже если думаешь, что человек перед тобой уже знает об этом, ты не должен рассказывать.'

- 'Ладно... Так в чём дело? Всё действительно так плохо?'

Она не спешила отвечать. Даже начало казаться, что она вообще передумала отвечать.

Но спустя некоторое время, она наконец-то ответила:

- 'Серман ищет возможность умереть.'

Эти слова застряли в нём. Как и те, что последовали за ними.

- 'Во многом мной движет это знание,' - сказала она. - 'Серман один из величайших героев человечества - и мой дорогой друг. Он этого не показывает, по очевидным причинам, но я знаю тот факт, что он подошёл к психологическому пределу. И уже давно. Я бы хотела помочь ему обрести покой, если могу.'

Парсону не требовалось объяснять, насколько это сложно.

Если Серман умрёт, то Избавление будет буйствовать как никогда раньше.

Временами Парсону казалось, что весь мир стоит на его плечах, но что насчёт Сермана?

Для Сермана это правда.

И все об этом знали.

Парсон спорил с ней. Идея, что это он заменит Сермана...

Ну, она абсурдна, откровенно говоря. Он слишком юн, а людей подходящих этой должности больше него предостаточно.

- 'Нет, на самом деле их нет,' - сказала она ему. - 'Не у многих в Авангарде есть полезные связи с Избавлением. Когда время придёт, ты увидишь. Всё будет точно, как я сказала. Вы, три наших мальчика, измените мир.'

И она отвергнула любые попытки Парсона вразумить её. У неё был контраргумент на всё, подбадривание на любое его выражение беспокойства, и уверенность в своём плане.

Её цель выбрана. И выбрана ещё много лет назад – ещё до того, как она встретила его.

Даже сейчас, сидя напротив Эризы, концентрируясь на своей работе, он не мог полностью выбросить эти мысли из головы. Они сидят там практически всегда, удерживаются, надвигаются.

Великая и ужасная тень будущего.

Он не знал, справится ли с этим. Сможет ли прожить жизнь человека, которого от него ждёт Овера, жизнь человека, которым она его, похоже, считает.

Ему было интересно, как держатся остальные. Парсон, впрочем, временами чувствовал, что из них троих ему легче всего. Гермал за эти годы прошёл через колоссальные личностные изменения, Парсон едва его узнал. Было практически невозможно поверить, что этот тот же своевольный парнишка, что всюду за ним следовал.

А Дамиан?

Дамиану приходилось разбираться с Безумным Демоном. Если то, что он сказал Парсону правда, то ему придется жить в состоянии практически постоянного ужаса, никогда не чувствуя уверенности в том, что Моргунов не захочет его просто так убить.

Все советовали Дамиану и Феромасу отказаться от их стратегии, придумать альтернативный способ проникнуть в Избавление, может вместе с Гермалом, но они всегда отказывались. Какой бы адовой не была их жизнь, они многому учились у безумца, и ещё уверены, что зарабатывают его доверие.

Парсон не понимал, как эти знания помогут им, если они умрут.

Хотя стоило заметить, впрочем, что великий план наконец-то начинает приносить свои плоды. Маленькие, наверно, но всё равно плоды.

Всего шесть лет назад, когда он работал в Кавии, Парсону удалось эвакуировать целый город, получив сообщение от Дамиана, что Дьявольский Нож идёт его захватывать.

А два года назад Парсону удалось предотвратить катастрофу в Монтеро, когда Гермал сообщил ему о взводе солдат Избавления, планирующих войти в страну, наудачу прокопав подземную сеть.

Парсон проинформировал Маршала Воздушных Сил, Артемиса, о своей «находке», и вместе они устранили атакующих раньше, чем у тех появился шанс кого-либо атаковать.

Эти победы подарили Парсону необходимое ему в тот момент ободрение после Разрушения Каргама, названное первым вторжением Дозера в процветающую нацию. Сейчас уже пятнадцать лет прошло, хотя едва ли так казалось, подумал Парсон. Хотя вторжение провалилось, Разрушение им удалось.

Каргам до сих пор оставался бессрочным полем боя.

Напряжение между двумя странами нарастало с самого начала – с того момента, как Дозер захватил ныне вымершую нацию Олот, переименовал её своим именем, и начал осуществлять всевозможные агрессивные политические действия в отношении соседей страны.

Несмотря на все попытки Авангарда за последнюю сотню лет, НРД – Нуалистичная Республика Дозера – стабильно набирает силы, даже после своего «поражения» в Каргаме от рук Авангарда.

Даже сейчас казалось, что Дозер может начать полномасштабное вторжение в любой момент. Маленькие стычки частое явление, а каргамцы постоянно пытаются удержать свои ресурсы и линии гуманитарной помощи.

Наверно Дозер предпочитал, чтобы так и было. Уже несколько лет он занимал Авангард, почти не инвестируя в эту войну. Овера также считала, что эта война позволяла ему действовать свободнее, проводить тайные операции по всему миру, без досаждений постоянно вмешивающегося Авангарда. Ещё это объясняло, почему сила НРД продолжала неуклонно расти последние годы.

Парсон тоже купился на теорию Оверы, но пока Гермал и Неровой не могли её подтвердить.

Всё яснее и яснее, с каждым годом, Парсон начинал видеть перспективы плана своего жнеца. Всегда её больше волновала общая картина. Это она уже давно пыталась вбить в его толстолобую голову, а он часто сопротивлялся её попыткам.

Даже сейчас он это делает. Его женитьба на Эрizei не столкнулась с одобрением Оверы. Напротив, жнец пыталась предупредить его об опасностях привязанности к не-слугам, тяжести ответственности, которую он берёт на себя, и быстротечности любви.

Но и бесповоротно запрещать ему она тоже не стала. Что, откровенно говоря, удивляло Парсона. Жнец не стеснялась запрещать ему другое в прошлом, как, например, пить и посещать бордели, так что ему было интересно, почему она не тянет за этот рычаг.

Наверно она считала, что в этом бою ей не победить. Наверно видела, что он искренне любит эту женщину, что ни одно «правило» не встанет у него на пути.

В чём бы ни было дело, Парсон теперь просто пытался радоваться любому времени

проведённому с Эризой. Он прожил слугой достаточно долго, чтобы знать, что это не продлится вечно.

И знал, что предупреждения Оверы не были беспочвенны. Как обычно и было.

Он не хотел думать об этом. Эриза ещё юна. Ей едва исполнилось тридцать. Когда придёт время...

Нет. Не сейчас ему об этом волноваться. И даже не завтра. Это ещё на целую жизнь впереди.

Он просто должен оставаться сфокусирован на своей цели. Может, это была утомительная работа сторожа, но ничего. В некотором смысле это похоже на медитацию, требовалась дисциплина разума. Терпение. Внимание.

Не те качества, которыми обладала его жена.

- Угх! Я не понимаю, как ты можешь заниматься этим весь день, зайка!

- Говорил же, что будет скучно, дорогая.

- О, вот этого мне не надо! Развлекай меня!

- Нет.

- Чегой?.. Да как посмел.

- Можешь вернуться домой в любой момент. Ничего более захватывающего, чем сейчас, не будет. Обещаю. - Если бы он ожидал чего-нибудь «захватывающего», то не взял бы её с собой.

- Ты правда умеешь убивать настроение, а?

На мгновение Парсон подумал над тем, чтобы сказать ей, что он привык убивать далеко не только настроение, но передумал. Год назад он мог бы сказать ей что-то такое, но после смерти её матери всё изменилось. Теперь он чувствовал, что такие слова только заставят Эризу волноваться. И что бы она ни говорила, Парсон знал, что больше волнения в её жизни ей не требуется.

- Можешь хоть чуть-чуть расслабиться? - сказала она. - Ты всё время так напряжён. Нехорошо так жить. Ты себя с ума сведёшь, зайка.

Парсон узнал знакомый мотив в её голове. Лёгкий намёк на искренность. На тревогу.

Временами это трудно заметить среди её повседневного тона, но последнее время, чувствовал он, ему лучше удаётся заметить эти чувства. – Разве не для этого у меня есть ты?

- А? А я-то думала, что ты просто держишь меня, чтобы кто-нибудь тебе готовил и стирал форму.

- Это в первую очередь, да.

- Хмф. Однажды ты поймешь, что я права. Поднимешь взгляд и поймешь, что твоя жизнь прямо как это мороженное. Поймешь, что ты дал ему растаять.

- Это не помешало тебе его закончить.

- Как ты узнал, что я его закончила? Ты даже не поворачивался.

- Я предположил это, когда ты закончила облизывать чашку.

- ...Ладно, умник. Ага, закончила я. Так почему бы тебе не принести мне ещё немного? Как поступил бы хороший муж?

- Заманчиво, но, кажется, я должен продолжить искать врагов с юга.

- У тебя нет всяких батраков для этого?

- У меня есть ты.

- Оу, ха-ха. Но я серьёзно. Где все твои люди? Я что-то совсем никого не вижу. Даже того красавчика со всеми его мышцами.

Напротив своим словам, Парсон повернулся и уставился на неё. Затем он вспомнил про свою работу и его глаза вернулись к пустому полю впереди.

- Ха. Получилось.

Он проворчал: – Женщина. Лучше бы ужину быть на столе к тому моменту, когда я вернусь.

Она засмеялась. – Конечно, зайка. О, я тут вспомнила. Нужно сегодня сходить на рынок. Я, вообще-то, надеялась, что ты сходишь со мной.

- Нет.

- Тц. Тогда, полагаю, ты не против ростков лоротоса?
- Естественно я против леро-
- 'Северный вход,' - прервал его беззвучный голос Оверы. - 'Спускайся. Быстро.'
- 'Уже иду.' - Он тут же поднялся и чмокнул жену в щеку. - Скоро вернусь.
- Куда ты-?!
- Никаких ростков! - он спрыгнул с башни и вниз со Стены.

Это было длинным падением, но его тело двигалось быстро, пока он бежал по Стене на своей максимальной скорости, в поисках безопасного места для приземления. Насчёт себя он не волновался, но вот за группу граждан боялся. Если он упадёт с такой высоты, то без всяких сомнений раздавит нескольких незадачливых людей.

Однако улица снизу оказалась слишком забита людьми, и он не видел свободного или быстрого спуска. Поэтому, как бы его это ни раздражало, пришлось использовать крыши.

Ближайшая была в двадцати метрах от него, слишком далеко для нормального прыжка, но с его способностью вполне возможно.

Однако преобразование было неприятной силой. Без Оверы ему требовалось жертвовать частями тела, чтобы она была полезна, что в такие времена раздражало.

Парсон много тренировался в том, чтобы снизить количество требуемой массы тела для каждого использования его способности. Двадцать лет назад для такого прыжка ему бы потребовалось пожертвовать обе ноги, но сейчас лишь кожу и кровь. Болело адово, конечно, но боль не ново. Боль в его жизни появляется гораздо чаще, чем в жизни кого угодно, кроме других преобразователей.

Пока он парил в воздухе, его туфли и носки слетели с ног и улетели. Это тоже раздражало. Он уже начинал думать о том, чтобы совсем перестать носить носки и туфли. Жаль только, что ему, как ответственному работнику Авангарда, нельзя забывать о внешнем виде.

Он рванул вперёд, к северной границе Монтеро. Расстояние было немалым, но маршрут пролегающий по крышам давал разогнаться, и по пути он мог ускорять себя хлопками кислорода, на краях бескожих ног. Если бы он не был опытен в этой технике, то просто сохранить баланс было бы трудно, не говоря уже о равновесии на этих неровных крышах.

- 'Насколько срочно?' - спросил он Оверу по пути, желая знать, следует ли жертвовать больше

плоти своему преобразованию.

- 'Не знаю,' - ответила Овера. - 'Просто мужчина за воротами города. Я его не узнаю, и его движения немного странные.'

Парсон решил ускориться немного. - 'Странные в каком смысле?'

- 'Скрючился вперёд. Держится за живот. Шаги неровные. Стража тоже не знает, что с ним делать. Говорят о том, чтобы подойти к нему, а я против. Пожалуйста, приди раньше, чем они сделают что-нибудь тупое.'

- 'Хорошо.' - На краю следующей крыши Парсон прыгнул и послал себя вперёд в воздухе, с громким взрывом кислорода, заменившим обе его ноги по колено. Силы было достаточно, чтобы перелететь весь город, но поэтому он и ждал края здания, прежде чем использовать этот приём. Он из своего опыта знал, что сделай это на крыше, и всё строение могло обвалиться.

Некоторое время он летел. Длинное пальто и пустые штаны трепетали на ветру, пока он приближался к вершине своего полёта и начинал медленно снижаться.

Он мог бы насладиться полётом, если бы не агония потерянных ног.

Впрочем, он доволен хотя бы тем, что ему удалось правильно оценить расстояние. Более-менее. Нужно было только поправить траекторию парой струй кислорода, и он долетел до северных ворот.

Двадцать пять лет назад ему бы не удалось приземлиться безопасно после такого затяжного прыжка. Но теперь у него есть контроль и сила. Он пожертвовал остаток ног, чтобы сделать себе нечто вроде кислородной подушки и медленно приземлить остаток тела на верхушку ворот.

Овера встретила его даже раньше, чем он коснулся земли, и начала восстановление. Ожидая возвращения ног, Парсон руками поднял себя на заграждение и посмотрел в направлении, в котором указывала Овера.

И вправду, он видел вдали мужчину, о котором она говорила. Ковыляющий зигзагом маленький муравей.

Парсон не знал что думать. Такая поза напоминала сломанных слуг - тех, чей жнец был убит - но дело не в этом, иначе этот мужчина действовал бы гораздо, гораздо агрессивнее, а не просто ковылял.

Он просто болен? Если так, то он такая же угроза для города, как армия в десять тысяч душ.

Стражи на стене теперь смотрели в направлении Парсона.

Он, впрочем, хотел посоветоваться с Оверой ещё раз: - 'Что думаешь?' - спросил он.

- 'Я этому не рада, но мне кажется, что ты должен пойти и поговорить с ним сам. Если в нём какая-нибудь чума, то мы не можем рисковать, посылая стражей.'

Парсон боялся, что она это скажет. Она, конечно, была права, но из личного опыта он знал, что быть слугой не значит, иметь полный иммунитет к любым болезням и делать что захочется.

Среди юных слуг такие мысли часто встречались - да даже среди жнецов, похоже. Наверно потому что сами жнецы по-настоящему неуязвимы к болезням и потому их это не тревожит, но со своей стороны Парсон обнаружил, что болезни вопрос огромный и недооценённый.

Слишком многие юные слуги считают себя неуязвимыми по отношению к природе. И да, хотя жнец может «вылечить» их практически от любой болезни, либо просто восстановить с нуля, всё ещё оставалась очень большая проблема распространения заразы. Даже если самих слуг не волновали даже смертельные заболевания, они всё равно распространяли болезни среди людей и истребляли целые города раньше, чем понимали что наделали.

Парсон отлично понимал это, потому что лично лицезрел подобный «проект» от одного из своих самых ранних товарищей в Авангарде. Фень Фредерик, звали его. Они уже годы не виделись, но мужчина оставил после себя незабываемое впечатление, которое Парсон не надеялся забыть в ближайшее время. Более того, Парсон недавно слышал, что его тоже повысили до регионального капитана, а ещё он заработал прозвище Святой Хирург, пока посещал континент Ардоран.

И с этой мыслью Парсон провёл взглядом по пустой полосе земли и мужчине с явными проблемами на ней. На момент он задумался, как бы Фень разобрался с этой ситуацией. У него ушло не много времени, чтобы понять, что он знает точный ответ.

С вернувшимися ногами, Парсон поднялся и повернулся на стражников. Он указал на ближайшую группу: - Вы трое, займите моё место в Башне Арлик. Наблюдайте за границей. Не слушайте мою жену, если она что-нибудь попросит.

Прозвучало несколько смешков, они ушли.

- Остальные останьтесь здесь и ждите моих приказов.

- Так точно, сэр.

Парсон спустился на землю, выбрав в этот раз лестницу, вместо того, чтобы зря жертвовать

плотью. Так было медленнее, но и чужак никуда не уходил. Он приказал открыть тяжёлые ворота, протиснулся через щель, после чего тут же приказал закрыть их.

Овера прицепилась к его плечу, пока они шли вперёд.

Ветер набирал оборотов, поднимая в воздух огромные облака пыли и размывая силуэт чужака, пока Парсон приближался.

Как же это надоедало. Но такой была погода Монтеро. Его не просто так зовут Чашей Пыли.

- Сэр! - позвал Парсон, пытаясь перекричать завывающий ветер. - Сэр, Вы в порядке?

Лишь шелест песка ответил ему.

Он подошёл ближе и попытался снова: - Сэр! Вам нужна помощь!? Вам нехорошо!?

Перед ним снова пролетело облако песка и неожиданно мужчина оказался прямо перед ним, достаточно близко, чтобы коснуться.

Парсон напрягся и тщательно осмотрел человека.

Кем бы он ни был, одежда на нём была простолюдина. Лишь порванная рубашка и хлопковые шорты, все перепачканные в грязи. Даже плаща путешественника на нём не было, а он ведь, вероятно, несколько дней шёл, чтобы оказаться здесь, если только не разделился с караваном или другой группой.

- Где ты? - спросил мужчина грубым, отчаянным голосом. - Где же ты?

Парсон нагнул шею немного вперёд, пытаясь увидеть лицо незнакомца. - Я здесь, - сказал он.

- Где же ты? Где же? - он продолжал смотреть не на Парсона, а дальше него - или, скорее, сквозь него.

- Сэр, я прямо перед Вами, - попытался Парсон. - Вы не-?

- Нет. Это не правильно. Ты неправильный. Это не правильно. Где он? Да, где же он? Где ты? Нет, где он? Ты меня не видишь? Как далеко ты ушёл? Он ушёл? - Мужчина протянул руку и Парсон отскочил.

- Сэр, как Вас зовут? Можете назвать своё имя?

Мужчина остановился и посмотрел на свои руки, когда ветер на мгновение успокоился. Затем он посмотрел на Парсона, глаза его загорелись, как если бы он увидел его только сейчас. – Да, это ты.

Парсон прищурился. – Я? Вы искали меня?

– Нет. Да. Но нет. Ты не он. Где он? Куда он ушёл?

Парсон терял терпение, как и ветер с пылью, похоже. Они снова рассвирепели, из-за чего контуженного мужчину не было слышно за шумом.

Устав от этой песчаной бури, Парсон перешёл в Пан-Форму с Оверой.

В мгновение вся пыль вокруг них исчезла, а ревущий ветер умер под гнётом взорвавшегося кислорода. Он ударил взрывом во все стороны, кроме передней, где стоял бедный незнакомец.

– Сэр, – попытался он снова, как только Овера вновь отделилась от него, – Вы можете назвать мне своё имя?

Мужчина, теперь, смотрел на него в восхищённом внимании. – ...Меня зовут Эттол, дитя.

– Эттол. Ладно. Рад знакомству, Эттол. Я Парсон Майлс.

– Рад ли?

Парсон немного поднял бровь. – Д-да? Я рад знакомству с Вами, да.

– Спасибо, дитя.

– Ну, эм... пожалуйста. Эттол, Вы знаете, где сейчас находитесь?

– В поиске.

– Да, но где вы находитесь? В какой стране?

Мгновение мужчина молчал, наверно думал, но он не сводил взгляда с лица Парсона. – Англолия, – сказал он.

– Англолия? – До чего странный ответ. Это вообще ответ? Парсон должен был убедиться: – Вы думаете, что эта страна называется Англолией?

- Да. Это Англолия.

- Нет, - медленно произнёс Парсон. - Нет, не Англолия. Это Кэлтос. Вы знаете, где находится Кэлтос?

В этот раз Эттол не ответил. Вместо этого он просто осмотрелся, словно взглянув на своё окружение по-новому.

Парсон вдохнул. Это мучительно медленный и трудный разговор. - Я не знаю, что-

'Он не окончательно неправ,' - приватно прервала Овера.

Парсон не поворачивался на неё. - 'Что?'

- 'Две тысячи лет назад этот регион назывался Англолией.'

На эту информацию он невольно пару раз моргнул. - 'Чего?'

- 'Точно как я и сказала. Раньше это место было известно как Англолия. Обращайся с этой информацией как хочешь, но сперва спроси его о чём-нибудь ещё.'

Выражение лица Парсона на мгновение поглотило сомнение смешенное с озадаченностью. - Эттол?

Мужчина снова посмотрел на него. - Да, Парсон?

Этот взгляд. Теперь он был каким-то другим, чувствовал Парсон. Карие глаза мужчины, казалось, стали немного ярче. Открылись шире. Сильнее встревожились. Даже стали любознательнее.

Парсону это, по какой-то причине, показалось тревожным.

- Почему Вы бродите здесь в одиночку? - спросил Парсон.

Эттол наклонил голову, снова задумался. - Я не уверен в ответе.

- Вы потерялись?

- Потерялся? Наверно так и есть. Да. Потерялся.

- Вы сказали, что ищите кого-то.

- Да?

- ... Да, сказали.

- Понятно. Кого я ищу?

- Я надеялся, что Вы мне это скажете.

- Понятно. А ты очень полезный, не так ли, Парсон Майлс? Хорошо. Это очень хорошо.

Парсон нахмурился. - Рад, что вы так считаете. Так, как звучит ваше полное имя?

- Полное? Эттол не полное имя?

- Если Эттол ваше имя, то нет, не полное. Как звучит ваша фамилия?

- А. Имеешь в виду, как у тебя самого, Парсон Майлс. Не думаю, что у меня такое есть. Боюсь, я просто Эттол.

Парсон осмотрел мужчину ещё раз. Выглядел он не примечательно, конечно, но было в нём что-то, что ему не нравилось.

- Выглядишь недовольным, Парсон Майлс.

Парсон не мог отрицать этого. Признавать, впрочем, он тоже не хотел.

- Могу ли я как-то исправить твоё плохое настроение? - спросил Эттол, теперь улыбаясь.

Парсон подсознательно отступил на шаг. - 'Овера...'

- 'Спроси его, почему он сам неожиданно повеселел.'

Прозвучало как настолько же хороший вопрос, насколько хорошим мог быть любой другой. - Почему Вы сами отличаетесь от того, каким были мгновение назад? - спросил Парсон. - До этого Вы были сбиты с толку, а теперь ведёте себя довольно радостно.

Эттол посмотрел в небо в тот же момент, как начал возвращаться ветер. - Хмм. Может ты и

прав. Видимо я был потерян не в одном смысле.

- Но теперь нет? Что изменилось за это короткое время?

Мужчина снова ему улыбнулся: - Я встретил тебя.

Это не сильно успокоило Парсона. - И что? Вы ничего обо мне не знаете.

- Это не правда, Парсон Майлс. Я знаю твоё имя. Ты сам назвал мне его.

- Вы начинаете меня раздражать.

- Да? О нет. Прошу прощения. И только я подумал, что мы начинаем дружить. Не могу почувствовать себя собой со всем этим туманом вокруг.

Парсону не требовалось проверять: - Тумана здесь нет.

- О? Любопытно. Мне так не кажется. Думаю, тогда я должен перейти к сути.

- Суть? И какой же?

- Я не уверен, но считаю, что я пришёл сюда из-за тебя, Парсон Майлс.

Каким-то образом Парсон был готов к тому, что этот разговор станет ещё более странным. - Да?

- Я бы хотел стать твоим другом, но, похоже, лучшее, что я сейчас могу, это познакомиться. Если бы у меня было больше времени, думаю, ты бы не думал обо мне так плохо. Какая жалость.

Парсон только взглянул на него с сомнением.

Эттол медленно поднял руку, ладонью вверх. - Я понимаю, это звучит странно, но не будешь ли ты против взять меня за руку?

Парсон взглянул на руку с большим сомнением.

- 'Даже не думай прикасаться к этой штуке,' - приватно сказала Овера.

Он был абсолютно согласен, но хотел бы объяснения: - 'Почему? Ты знаешь этого человека?'

- 'Просто не представляю, кем он может быть, но я ему не верю.'

- 'Итого нас двое.'

- Пожалуйста, - сказал Эттол, протянув руку немного дальше. - Я не наврежу тебе. И это займёт всего мгновение.

Мысли Парсона вернулись к прошлой тревоге, которую теперь сменила вполне ощутимая угроза. - Не хочу обидеть, - сказал Парсон, - но я ничего о вас не знаю. Вы можете быть заразны.

- А... - Эттол нахмурился. - Понимаю. Возможно, ты изменишь свой подход, если я скажу тебе, что касание моей руки позволит заглянуть в сам Хаос?

- Вы о чём вообще?

- Этой привилегии немногие достойны. Видеть дальше сейчас, заглянуть в реальность того, что может быть.

Прошла секунда. Парсон просто уставился на него. - Точно. Что ж, думаю, в этот раз я откажусь. Меня вполне устраивает «сейчас».

- Хмм. Жаль. В таком случае, могу ли я просить тебя доставить одно моё сообщение?

- Я не почтальон, но уверен, что Вы найдёте кого-то другого.

- Не думаю. У меня мало времени.

- Что Вы имеете в виду?

- Прошу. Я умоляю тебя. - Глаза Эттола резко открылись шире, и Парсон увидел в них, чего никак не ожидал увидеть.

Отчаяние.

- Ты можешь быть моей единственной надеждой, - сказал Эттол. - Попроси своего друга найти меня.

- У меня много друзей.

- Я не знаю его имени. Но вы с ним связаны. Ты, он, и ещё один. - Мужчина улыбнулся снова, хотя в этот раз улыбка выглядела грустнее. - Трио.

Парсон только уставился на него.

- Ты знаешь о ком я, - сказал Эттол. - Прошу, скажи ему найти меня.

Парсон не понимал что происходит, но неожиданно ему показалось, что этот человек может не бредить. И, что важнее, у этого человека ограничено время. - ...Зачем мне делать это? - решил он сказать. С чего мне хотеть, чтобы он нашёл вас?

- Потому что мне нужна его помощь. Твой друг ключ Хаоса, где я, что печально, заперт.

Что ж, это... вроде бы объяснение. Не хорошее, и не такое, в которое можно поверить, но всё же больше, чем Парсон ожидал, честно говоря. - Даже если это правда, с чего ему утруждать себя поисками?

- Потому что, Парсон Майлс, я могу даровать вам ваше желание.

Слишком неясно. Парсон не купится на такое. - И что же это за желание?

Эттол долго на него смотрел. - Ну как же, желание, конечно же. Изменить мир.

У Парсона не было слов. Откуда он знает? Кто этот мужчина на самом деле? Неужели Овера-?

- Хаос надвигается, - сказал Эттол. - Время мстительно. Прошу, передай моё сообщение своему другу. А, и тебе стоит отойти от меня. Это не будет приятно видеть. Но не бойся, ведь я - Глаза мужчины надулись, он прервался на кашель. Затем снова. И снова.

Парсон решил послушаться и отошёл на несколько шагов.

Эттол попытался прикрыть ладонью свой рот, но со следующим кашлем нечто чёрное и склизкое покрыло его руку. Он закашлялся снова, и появилось больше черноты, разлившейся по сухой земле и почти дотянувшейся до ног Парсона.

Парсон хотел бы спросить, что происходит, но был в ужасе.

Ещё один кашель, и черноты стало больше. Но в этот раз она повела себя иначе. В этот раз

она не расплескалась. Вместо этого она остановилась на расстоянии вытянутой руки и начала затягиваться обратно.

И тогда она задвигалась. Сама. Словно какое-то щупальце. Оно задвигалось, завертелось, и вскоре начало поглощать Эттола целиком.

Парсон мог лишь смотреть с широко раскрытыми глазами. То, как двигалась слизь... он уже видел такое. Похожими были чудовища Подкорки. Наверно просто совпадение, но он почему-то сомневался.

Однако, как только она закончила поглощать старика, он заметил, что чернота стала двигаться и меняться. Если раньше это было нечто вроде жидкости, то теперь она становилась острее и тоньше.

Словно живая тень.

Этого он точно никогда не видел, и точно не представлял, как понимать. Было трудно даже понять, сама ли жижа превратилась в тень или же она и была тенью, которая появилась сама по себе и забрала старика.

Болезненные стоны Эттола становились всё тише, заглушались жижей, а движения становились медленнее и грубее. Пока, спустя некоторое время, Эттол не перестал двигаться совсем.

Парсон подумал, что вот и настал конец, но жижа начала изменяться снова, в этот раз трескаясь и окрашиваясь в тёмно-серый.

Камень, понял Парсон, но едва ли это избавило его от вопросов.

Слизь, которая разлилась у его ног, всё ещё была чёрной, заметил он. И ещё она двигалась - медленно, наверно, но двигалась. Растягивалась во всех направлениях, стягивалась в неровную трясущуюся глыбу, повторяла.

- 'На пульс похоже,' - сказала Овера.

- 'Хмм?'

- 'Поймай эту слизь, чтобы мы могли её изучить,' - сказала она ему.

Парсон знал нескольких более безрассудных людей, которые с радостью бы это сделали. Он одним из них не был. - 'Поймать как? Я не материализатор, а стеклянной банки со мной нет.'

- 'Если это тот же материал, из которого состоят черви, то такое количество можно трогать без опаски.'

- 'Если.'

- 'Да. Если.'

- 'А ещё я могу представить, как оно поглощает меня так же, как поглотило его.'

- 'Крайне маловероятно.'

- 'Что даёт тебе такую уверенность?'

- 'Посмотри на неё. Она еле двигается. Мне кажется, что она даже форму с трудом поддерживает.'

- 'Желаю видеть её в затруднительном положении и дальше.'

- 'Где же твоя храбрость?'

- 'Где твой здравый смысл?'

- 'Хмф. Ладно. Делай как хочешь.'

Парсон убрал взгляд с маленькой кучки слизи, чтобы посмотреть на Эттола - или то, что от него осталось.

Каменная статуя.

Как странно.

Спустя небольшой промежуток времени он почувствовал себя достаточно смелым, чтобы подойти. Наверно Овера права, он и вправду слишком осторожен, но сейчас он в определённом психическом состоянии, в определённом возрасте жизни слуги. Такое он часто слышал раньше, но никогда не принимал серьёзно. Кто-то называет это Фазой Обжига, кто-то Стадией Позолота.

Если говорить проще, то в жизни слуг был такой период, когда они становились достаточно могущественными, чтобы видеть чудовищные события, но недостаточно могущественными, чтобы принимать в них участие.

Жнецы и старые слуги считают это чем-то вроде обряда посвящения. На самом же деле, впрочем, Парсон просто видел опасность на каждом углу. Со всей силой, какой он владел, ему было прекрасно известно, как быстро её могут у него отнять. Это мог сделать как какой-нибудь монструозный слуга, которому ему нечего противопоставить, так и шальной выстрел в Оверу, способный уничтожить её мгновенно.

Безрассудство, вот и всё, больше ничего и не требовалось. И пятьдесят лет работы, развития, и амбиций будут просто стёрты. Исчезнут.

Он уже несколько раз видел такое.

Так что сказать, что он не мог решиться и подойти к статуе Эттола, будет недопониманием. Конечно, он мог сказать ей отправиться в город и ждать его там, но разделяться со жнецом тоже небезопасно, он знал. И она всё равно его не слушает, скорее всего.

Ирония была в том, что будь он на двадцать лет моложе, на двадцать лет слабее, то подошёл бы прямо к статуе без секунды колебаний.

Какая же странная штука эта сила.

В то же время, пусть и медленно, ему удалось подойти. И как только он оказался достаточно близко, его ушей достигли выделяющиеся звуки среди завываний ветра.

Треск?

Да. Камень крошился. Теперь он это видел. Крошечные трещины растущие по гладкой серой поверхности.

- 'Статуя ломается,' - сказала Овера.

Парсон собирался спросить почему, когда у статуи отвалилась левая рука. Она ударилась о землю и рассыпалась как пепел.

- 'Изумительно,' - сказала Овера. - 'Попробуй дотронуться.'

- 'Молчи.'

Другая рука отвалилась и рассыпалась ещё интенсивнее. Парсон видел пыль, что сыпалась с головы и плеч под агрессивным ветром. Вскоре торс поддался, и вся верхняя часть тела рассыпалась по земле.

Это всё было довольно абсурдно и более чем странно, но было нечто, что он, в частности, искал. Нечто, чего определённо не хватало.

Душа.

Парсон был более чем достаточно стар, чтобы видеть души, когда тел у них больше нет. Очевидно, тело Эттола исчезло, но его душа должна была остаться. Увы, пока он ничего не нашёл.

Овера тоже заметила отсутствие души Эттола, но предложить объяснения этому не могла, а когда статуя рассыпалась в прах окончательно, то делать уже было нечего.

Нечего, за исключением, пожалуй, сбора образцов. Глыбу слизи он трогать боялся, но эта кучка пыли почему-то казалась безопаснее. Просто пыль ведь. Не какое-то полуживое отклонение природы.

Знал бы он, что придётся собирать какие-то образцы для учёных, то оделся бы совсем иначе. В его куртке полно карманов, но едва ли они сделаны для переноса пепла мёртвого человека.

Каким же странным оказался сегодняшний день.

Когда его карманы были практически заполнены, мысли вернулись к слизи. Он посмотрел на неё и действительно, она оказалась там, всё ещё нежно пульсировала.

Он должен признать, что ему любопытно. Боже помоги, насколько же интересно. После увиденного, как может быть не интересно? И Овера уже ушла далеко...

Может просто быстро прикоснуться.

Он пошёл к слизи.

- 'О?' - сказала Овера. - 'Всё-таки решил поймать её?'

- 'Думаю об этом.'

- 'Не позволяй мне давить на себя.'

- 'Что, теперь уже не хочешь, чтобы я этого делал?'

- 'Хочу. Конечно же хочу. Но я признаю, что это может быть плохой идеей.'

- '...У тебя есть причина так говорить или это просто ощущение?'

- 'Я только что начала вспоминать старые истории, в которых живых превращали в камни. Час назад я бы сказала, что это просто сказки - или, если хочется поспорить, работа слуг. Но теперь?..'

- 'Понятно. Можешь, в таком случае, рассказать мне больше? Детали, там?'

- 'Конечно могу. Даже несколько на выбор. Какую хочешь?'

- 'Никакую. Я хочу, чтобы ты, пользуясь рассуждением, проинформировала меня о всей важной информации, которая может в них быть.'

- 'Как-то мне не нравится твой тон.'

- 'Овера.'

Она вздохнула. - 'Ну ладно. Если подумать... то... думаю, есть одна сказка, История о Каменном Принце. В ней принц, который бросил вызов небесам, готовился стать королём. Но вместо этого превратился в камень и смотрел за тем как его королевство достигает великого процветания под контролем благословлённого младшего брата.'

- 'И какая часть истории полезна в нынешней ситуации?'

- 'Не знаю. Я ещё думаю.'

- 'Овера, пожалуйста.'

- 'Что? Ты спешишь? Слизь никуда не собирается, а ты хочешь, чтобы я тщательно подумала, не так ли?'

Он вздохнул. - 'Ладно. Давай. Не спеши. Армии на юге, которая может атаковать Монтеро, ведь нет, верно же?'

- 'И снова этот тон.'

- 'Просто поспеши, ладно?'

- 'Ладно, есть ещё Повесть О Вечном Каменщике. В ней мужчина пытается стать лучшим каменщиком из всех, что когда-либо жили. Говорится, что он достиг своей цели, но в процессе превратил собственное тело в камень.'

- 'В этой истории тоже не вижу ничего важного, Овера.'

- 'Думаю, она создавалась как предостерегающая история о бездумной погоне за величию ценой собственной жизни. Что, хотя и верно, ни черта не стоит в лице старой истории, на мой взгляд. Скольким людям нужен такой совет? Вот честно? Обычно все ленивые, а большинство достижений каждой страны достигнуто трудолюбивым меньшинством. Если бы люди были с рождения трудолюбивы, то рабов бы не изобрели.'

- 'Потрясающе.'

- 'О, спасибо. Я рада, что ты искренне со мной солидарен.'

- 'Ты можешь сказать что-нибудь полезное?'

- 'Думаю, всё, что я когда-либо говорила и скажу, может считаться полезным.'

- 'Ладно. Сдаюсь. Просто обкопаю её.'

- 'Обкопаешь что? А, точно, слизь. Я почти забыла о ней.'

- 'Овера...'

- 'Просто шучу. Боже, никогда бы не подумала, что в отношениях жнец-слуга бездельником окажусь я. Наверно твоя жена права насчёт того что ты слишком напряжён.'

Парсон просто вздохнул и принялся за работу. Копать эту твёрдую землю голыми руками будет не просто – если только он не пожертвует часть своей плоти преобразованию, конечно. Хотя этого он делать не хотел, но решил, что вариантов не много, так что начал с малого. Он пожертвовал кожей своих рук и создал маленькие струи сжатого кислорода на кончиках пальцев.

Аккуратно выбирая силу, он протянул руки под землю и поднял пульсирующую на куче земли слизь. Он безопасно взял слизь на островке земли в левую руку.

Вблизи она оказалась более омерзительной, чем он ожидал. Была в ней эта гротескная кусковатость, которой он не замечал с расстояния.

К его удивлению, она ничем не пахла. Он ожидал поражающей вони.

- 'Так ты собираешься её трогать или нет?' – спросила Овера.

Хороший вопрос. Отсутствие омерзительного запаха заставило его подумать над этим снова. Может она безвредна.

Позволит заглянуть в сам Хаос, а?

Парсон теперь задумался над тем, что он мог иметь в виду. Хотел бы он иметь возможность уточнить.

«Сам Хаос». Интересный выбор слов. Обычно так говорили, когда имели в виду единое нечто, а не просто концепт – по крайней мере, такое объяснение Парсон уже слышал.

Одна из доктрин Избавления. Стороны Моргунова, в частности.

Каждый авангардец знал базовые постулаты различных религий Избавления. Хотя они немного отличались, каждая следовала древней трёхсторонней мантре: «Преследуй Хаос, Сей Разрушение, и Пожинай Смерть».

Он знал, что определённые секты добавили больше частей, таких как: «Мир Любой Ценой», или «Истинное Равенство Всем», или «Спасение в Сере» – как если бы в чём-то этом был смысл.

Однако узнать больше деталей было непросто. Парсону временами было интересно, он думал, что это лучше поможет узнать врага, но они были настолько спутанными неорганизованными ублюдками, что хотя бы частично понять во что большинство из них верит трудно.

Если вообще хоть во что-то. В основном Парсон придерживался мнения, что все их религии просто способ прикрыть безумие. Всё же, нет секрета в том, что Избавление привлекало жестоких психопатов.

Тем не менее, Парсон как-то попросил Дамиана и Феромаса объяснить веру секты Моргунова. Она называется Моуталла, хотя более известна как религия Хаоса.

‘Есть Пустота, а есть Хаос,’ – сказал тогда Феромас. – ‘Если Пустота есть первичное, коллективное сознание, то Хаос определённое подмножество в Пустоте. Трудно объяснить так, чтобы это имело хоть какой-то смысл, но ты можешь думать о Хаосе как о «регионе» в Пустоте, где случаются «сны». Сны. И кошмары. Летучее поле боя творчества, если это имеет смысл.’

В то время Парсон не задумывался над этим объяснением. Просто ещё одна причина верить в безумие Избавления. Не достойная больших мыслей.

Но теперь... он был не так уверен.

Его правая рука потянулась к пульсирующей кучке слизи.

Ужасная идея. Это он точно знал.

Но ещё он хотел знать. Не знал, что он хотел знать, ну или на какой ответ надеялся – или даже почему ему так любопытно. Но это не имело значения.

Он колебался последний раз, пока свежая, только восстановившаяся кожа указательного пальца, готовилась коснуться слизи. Он уже решился на всю остальную часть пути, но часть него, находившаяся где-то глубоко в голове, всё ещё пыталась его остановить, сообщая о том, какой он идиот.

Как оказалось, впрочем, пальцу не требовалось двигаться оставшуюся часть пути.

Слизь вытянулась и неожиданно схватила его.

У него даже не было времени убрать палец или хоть как-то среагировать. Его зрение мгновенно заполонила тьма, затем свет, затем снова тьма.

В одно мгновение он увидел больше, чем его разум мог принять. Громадный зверь с миллионом лиц. Белая башня с миллионом окон. Синяя звезда, взрывающаяся миллионы раз. Миллион арф играющих в идеальной гармонии. Армия змей и армия ангелов, каждый умирает миллионом смертей. Миллион королей. Миллион героев. Миллион исследователей. Миллион мудрецов, волшебников, клоунов, девственниц, любовников, бунтовщиков, матерей. Миллион. Миллион? Больше. Неисчислимо. Непостижимо. Да, всё там, в его разуме, всё так же.

Это всё было так далеко от него, что он даже не знал, каким образом понять хоть что-то из этого. Куда бы он ни посмотрел, всюду вёл путь в никогда не заканчивающуюся дыру. И всё это было связано вместе, всё врезалось в безумном гобелене, уничтожая самих себя и создавая новое.

Бесконечные бесконечности. Всегда и все в конфликте.

И он чувствовал, будто бы сам стал частью этого – или, скорее, как если бы это хотело, чтобы он стал частью. Как если бы пыталось засосать его внутрь, отправить в бесконечное путешествие неотфильтрованного безумия.

Но происходило не это. Он чувствовал как-то, хотя это и казалось ему иррациональным. Было чувство того, что он находится по другую сторону чего-то. Словно невидимая стена. Словно он смотрел как лев рычит в клетке, только в безбожном масштабе. И он так близко к этой клетке, практически прижимается лицом к ней. Трудно подумать, что какая-то клетка способна сдержать всё это безумие.

И вот, ей удавалось. Клеткой была реальность. Она не позволяла происходить невозможному.

Нет. Это не совсем правильно, верно?

Не только невозможное. Возможное тоже. Вот чем он был. Хаос. Возможное и невозможное одновременно. Он видел это, в некоторых местах. Вещи, которые могут существовать, гипотетически, но просто не существовали. Как та отвратительная башня. Или этот рыдающий ребёнок. Или та другая версия него самого, уставившаяся обратно на него в искажённом отражении, кричащая в безмолвной агонии.

Примерно только это Парсон и мог понять. Хаос просто исключал что есть. Всё остальное, похоже, было справедливо.

Но и что?

Какой смысл во всём этом?

Насколько бы это ни пересиливало, насколько бы легко ни было потерять себя в этом, Парсон виртуозно удерживал себя. Наверно клетка реальности играла в этом роль. Может его разум. Может и то, и другое.

Да.

Да, скорее всего, так и есть. И реальность, и его разум.

Что странно, ему показалось, что теперь он понимал себя немного лучше.

Хаос? Сны и кошмары? Бесконечность, тьма, монстры, и безумие?

Он невпечатлён.

Реальность интересовала его. Может ли этот Хаос повлиять на реальность каким-либо образом? Потому что, пока он смотрел на него, пока он смотрел в него, у него появлялось чувство, что нет, не может.

Но, наверно это странно. Эттол ведь существовал в реальности, не так ли? Может совсем не долго, но это, по крайней мере, доказывало, что Хаос может ворваться в реальность.

Или уже?

Эттол сказал, что он заперт. Тогда, может, сам Эттол был реален? Одна реальная вещь в

океане нереальности.

Хмм.

Парсон понимал, почему он хотел уйти. Какой неопишуемой жутью это может быть, чувствовал Парсон.

Так жутко и так неопишуемо, что, наверно, это может свести с ума. И такое впечатление получил Парсон, узрев лишь малую толику этого. Если бы не клетка реальности, то Хаос вторгнулся бы в его разум и свёл с ума.

Да.

Он практически чувствовал голод обитающий в Хаосе. Тянущийся к клетке, пытающийся дотянуться до него, пытающийся поглотить его.

Хмм.

Так об этом постоянно мечтают дураки Избавления? Он полагал, что смысл есть. Безумцы влюблённые в безумие.

Парсон, однако, уже насмотрелся и теперь желал вернуться в реальность, ну или к своему сознанию, ну или туда, где находится его тело.

И ему удалось. Настолько же неожиданно, насколько его зрение пропало, оно вернулось. Он увидел пыльную пустошь Монтеро снова, почувствовал жар солнца на своей коже, развевающуюся на ветру куртку.

Он посмотрел обратно на свои руки, желая обнаружить слизь. Если такое зрение будет возвращаться при каждом касании, то образец может оказаться крайне-

Слизь превратилась в камень. Который тоже начал рассыпаться. Он слышал треск и видел струйки пыли.

Он уже использовал всю её силу?

Чёрт.

Хотя эту пыль он тоже сохранит, у него было чувство, что пользы это не принесёт. Он даже не знал, поверит ли кто-нибудь ему насчёт увиденного.

Блин. Он уже видел как рассыпается его репутация, если он начнёт болтать о подобном, словно безумный идиот. Нужно быть очень осторожным, если он будет что-то из этого упоминать.

Спустя время он посмотрел обратно на Монтеро. Насколько бы ни был он сейчас сбит с толку, его люди, наверно, сбиты ещё сильнее, но по другой причине.

В пути он вспомнил, что Овера всё ещё держалась за его спину. Может она сможет что-нибудь сказать. – ‘Тебе удалось увидеть что-нибудь из этого?’

Ответа не последовало.

– ‘...Овера?’

Всё ещё ничего.

Он остановился. Она определённо там. Он чувствовал, как она держится за него. – ‘Овера.’ – Он потянулся к плечу и взял её усиленной душой рукой. – ‘Овера, проснись.’

Она не ответила.

Он снял её со спины и держал в руках.

Её эфирное тело ссохлось настолько, что он едва мог её узнать. Она должна быть беззвучным крутящимся торнадо, но вместо этого она стала скрючившимся облачком, не настолько крутящимся, сколько медленно поворачивающимся. С тем, как она дёргалась, казалось даже, что её тело может прекратить крутиться навсегда.

Его глаза широко раскрылись. Он уже видел подобное, тогда она была серьёзно ранена в бою. – ‘Овера. Овера! Прощу!..’

И тогда он понял, что сам был слаб. Тело двигалось с трудом. Мышцы, казалось, стали дальше от мозга, и приказы достигали их не сразу, как если бы они были не его.

Душа начинает отпускать тело, это он знал. Разум затуманивается. Овера, должно быть, даже ближе к смерти, чем он думал.

Он сел на сухую землю. Это он уже испытывал не раз. И никогда это не бывает приятным. Когда это случилось в первый раз, он чуть не сошёл с ума от беспокойства. Теперь, впрочем, было как-то до странного легко не паниковать. Наверно притупление мыслей помогало. Или, может быть, в этот раз его ждёт настоящий конец.

Что ж. Если конец, то так тому и быть.

Он закрыл глаза и принялся медитировать, пытаясь сфокусироваться на своём туманном разуме. Он понимал, что в этот момент в его силах примерно ничего.

Таким был величайший страх любого слуги. Любого человека, на самом-то деле. Чувство полнейшей беспомощности и неуверенности. Конец это или нет.

Насколько бы сложно это ни было, он знал, что может только ждать. Либо Овера восстановится, либо нет. Либо он умрёт вместе с ней, либо не умрёт.

Поэтому он ждал. И ждал. И ждал.

Своего конца. Или того, что будет дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/325283>